

Наташа Кер

Красные резиновые сапоги на рыбьем меху

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наташа Кер

Красные резиновые сапоги на рыбьем меху

<https://litres.ru/73817057>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинградское детство - это игры под столом, накрытым одеялом, дачные лягушки и сольфеджио по понедельникам. Девочка Аглая с внешностью ангелочка и характером вождя краснокожих растет в интеллигентной семье 80х, внимательно и упрямо осваивая мир.

Сборник рассказов «Красные резиновые сапоги на рыбьем меху» о детстве как внутренней территории свободы, где формируется способность чувствовать, сопротивляться и радоваться.

Наташа Кер

Красные резиновые сапоги на рыбьем меху

Сборник рассказов
для взрослых,
которые когда-то были детьми.

«Носите детство с собой и вы никогда не состаритесь»
Том Стоппард

Вместо пролога

Лежу в кровати. Злость капает из глаз горячей смолой. От отчаяния плюю в потолок .

Слюни, как обычно, отвечают морозящим ленинградским дождиком.

Да провалиться ему, этому Димке! Когда я вырасту, меня будет муж с шоколадными глазами -человек-гора! Он будет громко смеяться! Нет! МЫ будем громко смеяться! А ещё он будет старше меня на семь лет и ..похож на Депардьё : выпученные глаза, кривоватый нос. И челкой будет дергать: вот так- я откидываюсь на подушку, но, промахнувшись, размазываю по простыне недоеденный вчера бутерброд, - Доннер веттер нох айнмаль!- ругаюсь по-дедушкински. Пытаюсь отскоблить масло от простыни. Выгрызаю его зубами, оставляя на простыне слюнявые пятна вперемешку с маслом. Плююсь. Ладно, потом что-нибудь придумаю.

Вскакиваю, хочу спрыгнуть на пол, но стучаюсь макушкой об потолок. Сплю я на втором этаже. Его долго и нудно над кроватью сестры надстраивал папа. Всегда забываю, что выросла.

Лицомвалюсь на кровать, не подозревая, что только что вслух проговорила свою судьбу, закрепив ее доисторическим немецким ругательством. Я - Аглая. И, похоже, я только что

сломала себе нос. Бурчу лицом в подушку- представляю, как лежу в луже крови. - Ой, это сопли. - Мелодично шмыгаю носом.

Набухшие веки тяжелые, словно стальная решетка молочного магазина напротив. Шварк- день закончен.

Сижу в туалете, втихаря утащив с собой альбом сестры. Сестра всегда что-то коллекционирует. По-взрослому- аккуратно. Хочется сделать реверанс после каждой перевернутой страницы.

Открытки городов : Амстердам, Брюссель, Лиссабон, Страсбург, Париж ..

Сердце вдруг устраивает вальсирующий падам падам- так пела Эдит Пиаф позавчера по радио. Интересно, как это переводится?

За окном нулевая температура. «Атмосферная влажность- девяносто два процента »- сообщает диктор радио , сидя на углу кухонного холодильника. -Таким вот замороженным голосом наверное разговаривают между собой старухи - сосули, свесившись до второго окна сверху, - думаю я.

В туалете я знаю наизусть каждый сбитый уголок кафеля.

Надо мной шкаф с папиными инструментами - железный оркестр. Он играет лишь тогда, когда дирижера загоняют в угол.

Наверное, играл бы чаще, если бы по любви. А не «отдых - это смена работы».

Справа повесилась длинная стремянка с красными клавишами.

Только здесь я чувствую себя наедине с Парижем.

-Я обязательно увижу весь этот мир!- говорю почему-то вслух и рву ручку двери, в первый раз не пряча альбом под свитером. Возвращаюсь, чтобы все-таки натянуть трусы. Опять выхожу. У мамы вверх ползет правая бровь. Это одна из высших степеней осуждения . Мне восемь...

Сестре привезли тюльпаны .Черные. Прямо из Амстердама.

Мама в восторге. У сестры восторга не видно. Она вообще редко эмоциональничает . На это у нас есть мама.

Хватаясь за сердце «твои три минуты опоздания стоили мне трех седых волос», она обычно добавляет по нарастающей: »Ларису Малеванную после каждого спектакля увозят на скорой». Далее- выдержанная пауза. И в заключении -выжидающий взгляд орла.

Мама всегда и все контролирует - Если не я , то кто же? - указательный палец дирижерской палочкой зависает в воздухе.

»Да никтоО!» - отвечает в моей голове почтальон Печкин.

Папа просто сидит.

Курит и смотрит перед собой.

Почти, как наша собака : ее карие глаза торчат из кресла.

«Мою чашку не трогать» - выходя из кухни, говорит он. - Меня тоже. - вторит его уходящая спина.

Тюльпаны мама подрезала и разворошила в вазе. - Вос-торг! - произнесла она, улыбнувшись себе в зеркало. Сестра молча вышла из кухни.

А я решила, что тюльпаны- мои любимые цветы.

Но пусть они будут не чёрные.

Черни и я

Учительница музыки Ядвига Львовна Кац была типичной героиней своего времени.

Как и все сорокалетние учительницы восьмидесятых, она носила

юбки-трапеции семидесятых. Эпоха, когда ее еще коротко звали Ядя.

Когда она еще была огого! Теперь же под трапецию легко было поддеть штанишки-«для тепла». А еще - туфли на танкетке цвета охры с бомбошками. Те, что приехали прямо из Венгрии. Будапешт. Город мечты, теперь уже не сбывшейся.

За утренним кофе Ядвига Львовна не по- учительски пле-вала в тушь. »Ленинградская«- банальное название. Слюня-

вила огрызок импортного карандаша. Под жирной стрелкой исчезали бирюзовые бусинки глаз.

Раскаленная плойка, кусала за висок. В отражении ей теперь таинственно улыбалась Барбара Брыльска. Ну, или почти: главное, не приглядываться.

Одним движением Ядвига подхватила термос с склизкой овсянкой. Больной желудок- бич всех учительниц музыки ; говорят, у них вредная работа.

Накинув пальто в дрипочку, учительница выпорхнула за дверь. Термос стукнулся о старинные завитушки перил и поддал ей по ноге.

Ядвига Львовна была легка во всех проявлениях. Она легко злилась на меня. Думаю, это была часть ее работы.

«Здесь надо через третий палец, а ты вот аш сюда !»- верещали ее украинские корни, которые она усердно скрывала.

«Ноги у неё идут прямо от бедра!»- восхищенно говорила мама, видимо, будучи уверенной, что у всех остальных этот процесс идёт как- то иначе.

Я мечтала поджечь здание музыкальной школы.

Разработала план: как совершить поджег, чтобы огонь не перебрался на магазин «Цветы Болгария».

Цветы я обожала. Однажды, прогуляв всем классом математику, мы дружно испугались и побежали в цветочный. Пробежав мимо кудряшек фрезий и леденцов тюльпанов, остановились у нарциссового ведра.

-

Так, каждый берет по нарциссу и пихает под пальто. - командовал Димка. Утащив двадцать четыре нарцисса, мы, потупив взгляд, явились к математичке.

-

Ну что вы, ребятушки...- Ираида Михална неожиданно заплакала и, спрятав распухший нос в букет, как-то по-детски чихнула. Над ней поднялось желтоватое облако пылицы.

Но вернемся к музыке.

Придя домой из школы, я наткнулась на помятую картонку: «Тори не гуляла». Вот черт: семейная черная метка сегодня досталась мне.

Собака лежала в кресле: »Все окей, я подожду до вечера-

не впервой.» - и улыбнулась мне орешками глаз. Сглотнув воздух, я перевернула картонку. Дело сделано : «Тори гуляла».

Я точно не попаду в рай.

На кухне меня ждал коток из застывшего жира на говяжьём бульоне. Чугунным пузом с шариком пупка крышка, казалось, защищала суп от нападения. Из кастрюли стволом выглядывала говяжья кость. Двумя руками сталкиваю крышку, тянусь за поварешкой и с размаху ударяю по ледяному катку.

-Ух тыы! -говорю вслух.-Прям как лед на Неве.- Ударяю еще.

Есть расхотелось, от вида жира даже немного подташнивало. Я схватила кусок черного хлеба, оставшийся с завтрака. Утопив его в подсолнечном масле и как следует просолив, заглотила, практически не жуя. Прошла в черноту гостиной, нащупала рожки будильника. Пятнадцать минут еще никому не повредили- прошептала я, укрываясь папиным свитером.

Через час, раскрыв глаза, я схватилась за папку с нотами.

Затем - пять этажей прыжков через четыре ступеньки. До сих пор удивляюсь, как ни разу не сломала ногу.

Около дома мерзла трамвайная остановка. Вылепленные из воска люди и две голубых елки перед портретом Брежне-

ва.

Трамвай все не шел. Я на одном задыхании скользила по парку.

- Я- конькобежец,- думала я на бегу.- Еще бы шапочку с мысыком и шнурочками завязок вразлет.

Наконец, я у цели.

- Зрасьте, Вига Вовна! - просовываю голову через дубовую дверь. На фортепиано покоится овсяночный термос и фантик от Каракума. Ух, пронесло, - думаю- Пообедала.

- Раздевайся. Садись. Спину выпрями. Что горбатишься. Про яблочко в руке помнишь? И кольца свои снимай сейчас же,- она зыркнула на мой безымянный палец. На нем-нитка серебряного колечка- подарок от сестры. - Бирюльки эти концентрироваться мешают. - она поправила съехавший начес, а затем привычно послунывила карандаш. На языке расплылось фиолетовое пятно. Я отвернулась.

- Играй. Разбирала сарабанду?

- Да , - одними губами сказала я.

-Тогда играй.

И я играла. Ядвига Львовна мерила класс большими, совсем не подходящими ей по росту, шагами; стучала венгерскими танкетками, которыми она так гордилась. Иногда горошина по крышке рояля своими маленькими, но на удивление сильными кулачками, а затем придвигала стул: разби-

рать пьесу.

Если бы мне разрешалось рисовать в нотах, я бы рядом с каждым любимым абзацем рисовала человечка. В шляпке и синем сюртучке. В таком, как у Олле Лукойе, помните?

- Ядвиге все можно- не умеет себя держать в руках, а отвечать опять старику Черни. - пронеслось в голове.- Десятки ножевых ранений химическим карандашом.. Слушайте: это ж Ядвига Львовна ненавидит музыку, а не я !

- Что опять за ляпсус?! С меня хватит. Сказала бы сразу, что не готовилась! - сборник прощально махнул страницами, что означало - разговаривать будем только в присутствии прокурора. Читай- мамы.

Черни упал на крышку рояля. -Трупешник, - подумала я.

Шаркая по замерзшему асфальту, я уже знала, что вечером мне предстоит «серьезный разговор».

Ядвига Львовна наберет наш номер телефона. Костистые пальцы будут щелкать, стучаясь кольцами друг об друга, что совсем не помешает ей сконцентрироваться. Минут сорок будет вегещать , что я « талантище», но что «лень меня погубит »

Затем- ледящее «доча, подойди сюда».

Мама начнёт со мной разговор со всем известной паузы. Раньше я даже думала, что она тайно сотрудничает с секретными службами. А иначе откуда у неё такие профессиональные методы пыток?!

Она вздохнет. Выдержит паузу. Мне по сценарию придется опустить голову и разглядывать потертый паркет. Воздух станет плотным, я несколько раз вытру влажные ладони о платье.

А потом она скажет, что у моей сестры есть попа, и что она на ней сидит. И что « терпение и труд ».

- Как полезно ходить пешком...- думала я, стоя на остановке трамвая. «Мороз и солнце - день чудесный», - подтвердила в голове мама голосом Любви Орловой.

Я вдыхала машинные клубы дыма и от удовольствия даже прикрыла глаза. -Хорошо, что весна уже так скоро. Мы с Машкой опять полезем на крышу дома- того, что рядом с мечетью. Оттуда виден Андрейкин дом. - и я почувствовала, что краснею.

Трамвай зазвенел и, остановившись и хрякнул дверями.

Не ходите в гости в шортах с гольфами.

В детстве я напоминала слоеного ангелочка. Кудрявые хвостики- рожки бабушка предусмотрительно прятала под вязаную шапочку. Под шапку одевала платочек- чтоб не ку-салась. Не я- шапка.

Небесные лужицы глаз. Хрупкие мостики бровей. Ка-призная, чуть надломленная верхняя губа .

Отпаренный воротничок хрустит при каждом повороте шеи. Ну что, признайтесь: вы уже в плену.

- Вам поставить Дебюсси или Грига?,- Внимательный взгляд и вежливая полуулыбка. Вы сражены наповал.

Хочу спросить вас: вы смотрели фильм «Вождь красноко-жих»?

Ну так вот.

Овидий Иваныч был похож на старого лиса.

Он неизменно носил подтяжки. Свободные брюки цвета диареи были натянуты почти до подмышек и поэтому немно-го коротковаты.

Садился всегда ногу на ногу, легко доставая закиданной ногой до пола ; я украдкой разглядывала его тонкие щиколотки в рыжих волосиках.

Спущенные носки смущенно уползали в усталые, замшевого шоколада, туфли. Бордовые шнурки удивляли своей вседозволенностью.

Завершался ансамбль женской, кофтой крупной вязки. Вылитый хипстер по сегодняшним меркам. В далекие восьмидесятые - банальный кандидат наук

В отличие от своего деда- кандидата, Сережа был совсем не хипстер. Детсадовские шорты с соплями гольф, что грустно спускались по щечкам икр. Очки на резинке : меня не бить, я ношу очки. -Сейчас будут линзы,- про себя отвечаю я. Ой, забегая вперед.

Сережа регулярно играл и, что самое противное, выигрывал в шахматы. В последствии, говорят, он даже однажды стал чемпионом СССР.

Раз в месяц в квартире на Васильевском открывалась дверь. В нее просачивались Овидий Иваныч, пухлая, словно штрудель из немецкой булочной на Невском, тетя Муся

и стручок-шахматист.

- Аглаюшка, поправь воротничок и поздоровайся с гостями- бабушка теребила в кармане шерстяной юбки свисток ингалятора. Боялась , что все пойдет не по сценарию ; бояться было нечего. Со мной всегда и все шло не по сценарию. - Ну да, а еще вынь пальчик из попы и скажи дяде здгасьте,- пробурчала я, нарочито грассируя, и направилась к гостям.

В тот день я была кротка и покладиста. Без умоляний слезла со шкафа. Не съела за раз два килограмма заморского фрукта с космическим названием фейхоа, отложенного бабушкой на варенье и не пыталась застрелить кожей кош- ку. Даже почистила зубы пастой «Карлсон», не плюнув мимо раковины.

Бабушка была в восторге. Обычно я, мягко скажем, баловалась. На этот случай ею была создана аббревиатура: ЭсВэ. «Аглаюшка, ты опять за свое ЭсВэ взялась?». Я долго думала, что это она так мои игры в войну называет. Оказалось, это не название батальона, а сокращение от слова «сволочь».

Перед приходом гостей бабушка, как обычно, сотворила чудо : две послушные косички. Завитки, выбивающиеся по бокам, отражались в шелковых лентах.

В дверь аккуратно позвонили.

- Приветствую! - густой бас старого лиса.

- Ой, Аглая-то, как выросла ! - закудахтала тетя Муся.

- Раздевайтесь.- сказала бабушка.- Сереженька, проходи. Аглая, поухаживай за гостем. Идите поиграйте, у нас игра есть новая. Боря купил : все балует ее. Аглая ему список для игрушечного составляет. А он, знай, галочки ставит.- Тетя Муся картинно сложила губки и погрозила мне пальчиком- сарделькой, на которую был насажен неправдоподобного размера камень цвета перспелой смородины.

Я взяла Сережу за руку. - Этот слизень и есть - мужская ладонь?- я отлепила его пальцы от своих и, проходя мимо стола, незаметно вытерла руку о скатерть. Шахматист послушно плелся за мной. Господи, почему человек не мог прийти в гости, как уважающий себя мужчина- в брюках ? Надо было припереться в рейтузах и уже потом, бесстыдно стянув их в коридоре, остаться в детсадовском наборе- шорты и гольфы. Ну вылитый Гитлер.

- Это чтобы Сереженька не вспотел,- словно читая мои мысли, вставила тетя Муся. Она, казалось, всегда играла

роль одуванчика в детском спектакле.

У тети Муси было круглое лицо, жиденькие волосы, и она явно промаялась эту ночь, катая голову на железках бигудей. Я открыла дверь в детскую. Точнее, в бюро деда. Сквозь стекла буфета поблескивали неотесанные куски кварцита и базальта. Слоеным пирогом в углу шкафа крошился сланец. Кругом стояли книги. Мы опустились на синтетический ковер-головастую шкуру медведя. Сережа боязливо покосился на меховую морду и чуть отодвинулся. Есть люди, с которыми приятно молчать. С ним же хотелось спать и заварных булочек со сливками по двенадцать копеек. Сразу три.

Прошло четыре с половиной минуты.

- Я сегодня соседа дядю Колю на третьем ходу обыграл, - Сережа еще чуть отсел от меня, посмотрел выше моей головы и скосил глаза куда-то вверх-влево.

-

Врет. - подумала я.

-

А это что? - спросил он, поднимаясь с колен. На голой икре отпечатался ковер - словно кто-то одним движением наметил татуировку на ноге шахматиста.

На столе, приготовленная бабушкой, стояла игра.

Та самая, с гномиками: в нее мы играли с дедом. Игра бы-

ла дедина и моя. Наша. Пластмассовые люди в шляпах. Прыгая по клеткам, я проживала жизнь каждого из них. А еще я любила деда. В шляпе и без нее. Любила, когда он облизывал мою ложку с кашей, провоцируя бабушку. Ба бесилась, а я в беззвучном припадке смеха сползала под стол.

Я обожала запах чеснока, с которым дед, похоже, родился. Любила, когда он приносил за стол земляными руками червяков на даче, улыбаясь: «Немножко грязи ребенку не помешает».

Это была моя игра. Мои человечки в шляпах. Мой дед.

Сережа медленно сдвинул коробку. Крышка, шурша, сползла на пол.

-

Ой, а это что?- и он провел влажными пальцами по выпирающим из коробки шляпкам .

Мама часто говорила : если на стене висит ружье, в конце пьесы оно должно выстрелить. - Время «ружья» пришло. - решила я.

Я молча выдернула ковер из под ног Сережи. От неожиданности тот упал, стукнувшись об угол кровати затылком. Вождь краснокожих всегда за правду.

Я с размаху набросила ковер поверх и без того испуганно-

го шахматиста, повалила его и приземлилась ему прямо на голову. Идеально рассчитала прыжок : между моих пухлых ляжек, обтянутых белыми венгерскими колготками, оказалась голова медведя. А под ней - другая- такая умная и такая несчастная- голова шахматиста.

Тискаами сжимались мои белые ноги. Шахматист не издавал ни звука. Видимо, обреченно ждал конца..

Тут вошла тетя Муся. В руках у нее был поднос с прозрачными ломтями копченой колбасы. Я вспомнила, как сосала все утро подаренную мне бабушкой за хорошее поведение колбасную попку. Тетя Муся издала неожиданно мощный петушиный крик.- Как она все-таки фальшивит,- пронеслось в голове. Я невольно сморщилась. Поднос покосился, колбаса, склеившись, одним пластом шлепнулась на паркет. - Тома! Тоомочка! Аглая безобразничает!- взвизгнула она в коридор.

В следующий раз Овидий Иванович пришел в гости один.

-

Мусенька билеты в театр купила. Пошли с Сереженькой. Он вообще-то театр не любит, а тут сразу согласился. Растут дети, тянутся, знаете ли, к искусству.

Красные резиновые сапоги на рыбьем меху

Их принесла мне бабушка.

В матовой коробке цвета переспелой банановой кожуры. В жизни не держала таких коробок в руках. Я гладила картон, едва притрагиваясь пальцами к шершавым краям. Сюда явно напрашивался очередной кукольный дом.

-

Клей ПВА закончился. Но под кроватью спрятан тюбик «Момент». Осталось совсем мало; ну ничего, поднажму зубами, может и высосу что-нибудь. Главное, чтобы губы не склеились, как в прошлый раз. Дом будет- закачаешься!»- от удовольствия я закатила глаза к потолку.

Под барабанную дробь моих пальцев мама открыла коробку.

Я крепко зажмурилась. Затем, открыв глаза, захлопнула крышку- так нещадно переливалось на носу содержимого, точнее- на носках, откуда-то появившееся солнце.

Резиновые сапоги! Да еще и красные; яблоки, облитые глазурью на ярмарке в Мюнхене: дед мне в старом журнале показывал; читал статью вслух на немецком. Я, хоть и ничего, кроме унд и вундербар не поняла, картинку запомнила хорошо.

Я задержала дыхание, следя за солнцем, разглядывающем себя в отражении голенищ. Часы на стене бесцеремонно вторили буханью сердца.

Сапожки светились изнутри. Кто-то, словно из оркест-

ровой ямы, огнями ramпы подсвечивал мою радость. Почему-то вспомнились Элли, Тотошка и волшебные башмачки.

Даже рыбий мех изнутри их не портил, а делал еще волшебнее-можно даже было поверить, что мне разрешат их носить. Резиновая обувь- осенне- ленинградское табу для девочек.

Бесповоротное «простудишься» наотмашь лишало возможности ударить по луже ногой. И, увертываясь от шлепков Ба, хохотать над шматом грязи на клетчатом пальто, сшитом в ателье на Большом проспекте.

-
Мама, это ж рыбий мех, искусственный.- фыркнула мама.

-
Ничего ты не понимаешь. Самый писк,- отпарировала бабушка. Я решила, что бабушка права, потому что пищать мне ну уж очень хотелось.

-
Аглая, детка, примерь- ка.- мама протянула мне один сапог. Я тут же впихнула ногу. Мех был теплый и совсем не похож на рыбью чешую. Я заурчала от удовольствия. Было немного тесно, но это ничего. «Чтобы быть красивой- нужно терпеть»- говорила мама, укладывая меня спать на холодные рульки бигудей в ночь перед концертом в музыкальной школе. Я готова была быть красивой и даже подумывала спать в сапогах сегодня ночью. Нуу, чтоб ночью тоже..ну вы поняли: быть красивой.

-

Ну-ка встань, скомандовала мама.- Посмотрим, где у тебя палец.

Я послушно встала. Палец предательски упирался в резину, и даже сквозь рыбный мех я ощущала, что продолжать расти ему теперь просто запрещено.

-Хм, сказала мама,- и они с бабушкой переглянулись. - Норке позвонить что ли?

Далее сюжет развивался со скоростью погони «Ну погоди!».

Мама словно где-то в глубине схватила папиросу и проорала в трубку:»Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонитов!»

До сих пор помню номер соседки, и как уверенно его набирали тонкие мамины пальцы.

-

Норочка? Заходите, у меня для вас - сюрприз. Да, прямо сейчас. Захвати дочку с собой. Да,да. Потом рассчитаемся.-

На фразе «потом рассчитаемся» мне захотелось набросить мешок из под картошки, что валялся под ногами на кухне на мамину модную укладку. Поднатужившись, запихать туда и бабушку. Затем сзади наброситься с папиным армей-

ским ремнем на входящую соседку тетю Нору; подвесить за ноги на дверце антресолей ее дочку – Ритку, теперь уже мою бывшую подругу. Ну да, многовато для одного раза. Но в жизни необходимо научиться выставлять приоритеты. Перешагивать через трупы. И гордо, африканской богиней неся над собой коробку цвета переспелой кожуры, выходить из кухни победителем. Возможно даже, прихватив с собой папины сигареты и коробок спичек из ящика справа от плиты. Ну так, на всякий случай. И подмигнуть своему отражению, проходя мимо окна:»Вот мы и рассчитались».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.